

АРХИТЕКТОНИКА ИЗНАЧАЛЬНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2017 В.Б. Малышев

Малышев Владислав Борисович, доктор философских наук, профессор кафедры философии.
E-mail: vlmaly@yandex.ru

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 12.12.2017

Статья посвящена поиску трансцендентальных оснований способов деятельности, присущих тому или иному миру культуры, фиксируемых в языке, знаках и символах. Фундируется понятие изначальных модальностей культуры в свете теории семиотических трансформаций. Эти модальности – предельное онтологическое различие, задающее горизонт мировосприятия в ту или иную эпоху. Постановка основной проблемы настоящего исследования и выбор темы навеяны работами Карла-Отто Апеля, но его предметная область выходит далеко за пределы представленной в них проблематики. Вопрос о том, может ли семиотика мыслиться как основа для феноменологии изначальных модальностей культуры, приобретает сегодня особое звучание, высвечивая спектр весьма актуальных проблем философии культуры. Цель настоящего исследования – выявление трансцендентальных оснований семиотики в качестве методологии изучения изначальных модальностей культуры.

Ключевые слова: трансцендентализм, модальности культуры, семиотические априори, трансцендентные инстанции.

Согласно мысли К.-О. Апеля, путь поиска трансцендентальных оснований способов деятельности, присущих тому или иному миру культуры, фиксируемых в языке, знаках и символах пролегал от Кантовой критики познания как анализа сознания к Пирсовой и Делезовской критике смысла как анализа знаково-символических структур, их последовательной интерпретации. Но особое место в апелевской теории семиотической трансформации отведено фигуре Л. Витгенштейна. Казалось бы – какое отношение имеют концепции языка у Л. Витгенштейна к предметной области философии культуры? Но дело в том, что в сфере трансцендентального измерения языковых практик присутствует некая «роза реальностей», позволяющая понять язык в его наивысшем измерении как изначальное Различие, определяющее бытие вещей в мире. Кроме прочего, К.-О. Апель отнюдь не находит глубинного противоречия между трансцендентализмом раннего Витгенштейна и «прагматизацией» языковых игр в «Философских исследованиях» позднего. Происходит не отмена трансцендентального, но именно «прагматизация» логических форм языка в пределах «жизненных форм» или «практик»: «выходя с помощью Витгенштейна за рамки Витгенштейна, здесь можно отыскать путь к кантовой трансцендентальной философии» [1, с.175].

В языке и в том и другом случае присутствуют два уровня – уровень знаково-символических объективаций и уровень метаязыка. В «языковых играх» происходит отсылание к «той или иной практике поведения», и мы бы могли добавить – к ключевым прагмам данной эпохи. В конечном счете, к языковым играм принадлежит любой вид человеческой деятельности «включающий в себя понимание «смысла» [1, с.87]. Изначальный смысл процедуры верификации на трансцендентальном уровне по Ч. Пирсу заключается в закреплении привычки, которую производит фанероскопия. Фанероскопия в данном случае предстает как семиотическая версия феноменологии восприятия. По Пирсу а priori существует всего три валентности, в рамках которых моделируются знаковые перцепции.

Пирс полагает, что знак, знаковая система имеет триадическую консистенцию. В соответствии с выбранной грекоязычной терминологией все знаки (фанероскопические элементы) Пирс разделяет на: 1) монады; 2) диады; 3) триады.

Таким образом, Пирс выводит три соответствующие семиотические категории отношения: «первичность», «вторичность», «третичность».

Ч. Пирс говорит, что «а priori мы установили, что имеет место три категории неразложимых элементов, преднаходимые в фанероне. Во-первых, это «просто положительные совокупно-

сти», что «a priori нет противоречия в утверждении наличия элементов фанерона, которые таковы, каковы они суть, безотносительно к чему-либо еще, проще говоря, семиотическая монада, «первичность» [2, с.14]. Во-вторых, это те знаковые элементы, «которые определяются идеей зависимости, но не совокупности», проще говоря, семиотическая диада, «двоичность». В-третьих, то что «включает комбинацию» через опосредование, проще говоря, тернарность, «троичность».

Говоря о значении идей Ч. Пирса, подведем итоги и укажем на особую роль его работ для целей исследования. Как показала история философии, во-первых, это значение в достижении семиотической предельности всякого учения о знаках. Эта предельность развенчивает претензии всей предшествующей метафизики на универсальность и защищает Образ как базовую семиотическую конструкцию от всех возможных нападок. В дальнейшем, как мы видим на примере философии кино Ж. Делеза, роль пирсовской теории окажется основополагающей в метафизике киноязыка.

Самый важный для нас вывод из вышесказанного заключается в том, что, следуя традиции, заложенной Пирсом, и развивая его идеи, *семиотика действительно может мыслиться как феноменология изначальных модальностей культуры*.

И все же один вопрос остается открытым – являются ли основания прагматизации знаков трансцендентальными?

Взаимная корреляция различных подходов к проблеме возможна только, если осуществлен выход на трансцендентальный уровень и выработано «некое трансцендентальное правило взаимопонимания». К.-О. Апель указывает, что «этому правилу следовать невозможно, не занимаясь в то же время выработкой универсальной и согласованной языковой игры в упрямой среде человеческих языковых игр и жизненных форм» [1, с.177]. В этом случае вступает в свои права хайдеггерово понимание языка. Язык как *Geflecht*, переплетение знаков, поведенческой практики и взаимопонимания становится потоком чистого Различия, конституирующего мир через изначальные модальности культуры.

Надо помнить, что, указанный поток семиотических априори есть первичная поляризация культурного вакуума на трансцендентальном уровне, есть чистое различие, некая просветляющая середина, некая всеобъемлющая индоевропейская прагма бытия в культуре. Указанному собирательному смыслу деятельности отвечает

корневая основа $\phi\omega$ – «рождать», «производить», «творить», «делать», «вырастать», «расти»; вообще же, $\phi\omega$ тождественно общеиндоевропейскому «быть».

Изначальное единство (Einheit) области языка (Sprachwesens) М. Хайдеггер называет термином *Aufriß*, что можно перевести как «разбиение», но можно и в смысле «разрыва», «расщелины». Однако дальше М. Хайдеггер добавляет сюда оптический, «архитектурный» смысл – разбить понимается в смысле «разметить» (*ritzen*), например, «разбить сад» [3, S.240]. Разбиение языка означает также «собрание черт разметки», (*Ganze der Zuge derjenigen Zeichnung*), которая бороздит (прочерчивает) простор языка (*Freie der Sprache*). Достаточно красивый образ бытия в языке – бороздить простор языка. По крайней мере, здесь создается образ чего-то нерукотворного, возникающего в самой природе – храма, города, сада, лабиринта. Хотя, конечно, ключевое здесь слово – *Zeichnung*, означающее рисунок, чертеж узор. Это значит «разомкнуть замкнутость земли». Поэтому вышеприведенные значения *Riß* как расщелины, некоего плодоносного «зияния» оказались неслучайны. Здесь уместно вспомнить нелюбимое М. Хайдеггером, но верное в постметафизическом смысле понятие «параллакс». На этом постметафизическом наречии мы говорили бы не о разбиении языка, а о *параллаксах языкового видения*. Истина любого видения в современности возникает в структурном зазоре между крайними позициями видения. Тем более, что слово «позиция» отсылает к Л. Витгенштейну.

Итак, потоки смыслов порождены, но как происходит разметка культурных форм и собирание базовых модальностей (подобной разметки)? Здесь необходимо знание неких базовых принципов, по которым семиотически конституируются культурные априори. Если совсем упростить проблему, и понять культурные априори как некие структуры подстановки, то можно начать рассмотрение с игры семиотических оппозиций. В культуре всегда наличествуют семантические оппозиции, семантически водораздел проходит между Словом и Образом, Звуком и Взглядом, Оптикой и Тактикой. Вспомним «Фауста» Гете. В «Фаусте» И.В. Гёте великолепно показал противостояние двух европейских вселенных – вселенной Слова и вселенной Взгляда. Оптически воспринимаемая бесконечность мира (*Vor Augen ist mein Reich unendlich*) противостоит пронизывающему внутренний мир колокольному звону за спиной Мефистофеля (*neidische Laute*). Вероятно, источ-

ник этого звона – сама природа, которую Фауст, во что бы то ни стало, рвется покорить, поработить, полагая, что он – господин ситуации, хотя на самом деле является ее заложником. Вибрация суетной молвы отлична от звона самой природы. Вспомним хайдеггерово понимание языковых априори – язык как «звон тишины», *das Geläut der Stille*. Понятия «колокольный звон» и «звпящая тишина» природы могут быть соотнесены по принципу комплементации. При этом хайдеггеров экзистенциал «звпящая тишина» – манифестация самого бытия.

Именно М. Хайдеггер говорит о языке как о трансцендентной инстанции. «Говорение» (*Sprechen*) и «сказывание» (*Sage*) на самом деле являются «изначальным переводом». Язык несет в себе мета-измерение, с возможностью само-трансцендирования и метапозиционирования. По сути, речь идет о «языке языка». «Нечто неявное» в языке является основным. Язык скрывает в себе *φύσις* как нечто «изначально узренное», как «неприметное сияние».

Говоря о слове, как о *Sage*, М. Хайдеггер гипотезирует эту языковую сущность. «Сказ» или поэтическое слово наделены предикатами живого: поэтическое слово, собранное из единичных слов, слово как сказ «мыслит», «строит», «любит». Что такое это «собрание» сказа, конструирование из него стихотворения или песни? Такое собрание или монтаж напоминает собрание «вещи», о котором М. Хайдеггер говорит в «Истоке художественного творения» [4, С.47–108]. Гипотезирование сущности сказа аналогично реификации акта творения в вещи. Творение же есть Слово, Логос. Круг замыкается благодаря понятию Слова. Слово сказывается. Так образуется герменевтический круг.

Бытие сущего есть его *μετά*-измерение, превышение его, возникающее в структурном зазоре, в дополнительном измерении. Хайдеггера мысль, опирающаяся на интенции изначального мышления, вовсе не противоречит кантовскому трансцендентализму. Однако можно посмотреть шире: мы можем опираться на универсальные трансцендентные инстанции, существующие в культуре. Именно поэтому необходимо возвращение к изначальному способу мышления, как свободному выбору в обращении с подобными инстанциями: *природа, бытие, бог, сознание, внечеловеческое...* В каждую историческую эпоху преобладает то или иное трансцендентное измерение. Однако, инстанция бытия, на наш взгляд, безусловно, приоритетна для изначального мышления.

Ближайшим понятием, отображающим указанные основания, является понятие изначальных модальностей культуры. Эти модальности – предельное онтологическое различие, задающее горизонт мировосприятия в ту или иную эпоху. Модальности также можно определить как трансцендентальную установку мышления, задающую тот или иной способ деятельности. Даже то, как человек воспринимает звук, цвет, запах в данной культуре зависит от шифра восприятия, заданного изначальными модальностями. Изначальные модальности – «высшие пункты» культурной симфонии. Если понятие «способы деятельности» является концептуальным образованием синтетического свойства, включая в себя то или иное культурно-историческое содержание, то «изначальные модальности культуры» – иное. Они всегда продуцируют тот или иной актуальный способ деятельности, сами являясь только схемой, лишь чистой потенциальностью. Это культурные априори. Звук, цвет, форма – лишь репрезентативные вариации, но не сама потенциальность структуры, которая сокрыта, виртуальна.

Поводя *итоги нашего исследования*, укажем, что комбинацию изначальных модальностей лучше всего выразить через набор фундаментальных и ситуативных метафор данной культуры, которые, собственно, и являются манифестацией процесса выявления изначальных модальностей. Так, в основе постижения европейской культуры в ее наивысшем, трансцендентальном измерении лежит базовая схема, конституируемая с помощью системы фундаментальных метафор, дополняющих основные категориальные схемы. Фундаментальные метафоры – репрезентации трансцендентальных оснований способов деятельности, присутствующих определенной эпохе, проявленных в языке.

Фундаментальные метафоры исчерпывающим образом демонстрируют базовые культурно-специфичные способы деятельности и опосредования первичной реальности. Отсылая к комбинаторике изначальных модальностей культуры, дискурс фундаментальных метафор конституирует историю европейской культуры. Вопрос о метаязыке и фундаментальных метафорах – попытка рассмотреть не только сущностные характеристики, но и модальности культуры в исторической перспективе через бытие языка. Под изначальными модальностями бытия культуры мы и понимаем то, что делает метафоры «фундаментальными». К примеру, происходит полная инверсия глубинной органической модели мировосприятия, характерной для архаической эпохи

и античной культуры в сторону всемогущего средневекового Воображаемого, «обнуляющего» природную телесность, с его девизом *creatio ex nihilo*. Дальнейшая семиотическая трансформация происходит в сторону механицистского, «уплощенного» мировосприятия, характерного для новоевропейской культуры, воздвигающего непреодолимую мембрану между миром природы и человеком. Последующие трансформации европейской культуры приводят нас к современной эпохе «мертвого времени», когда мы, словно микрочастицы, зависли на орбите всеобщей циркуляции знаков. Подобная структурная динамика делает необходимой концептуализацию таких фундаментальных метафор, репрезентирующих в виде структурно-логической схемы

самые главные прагмемы европейской культуры как *телесная, имагинативная, машинная, орбитальная* метафоры.

Однако наивно полагать, что выявление модальностей бытия культуры происходит напрямую, это возможно только в процессе работы с европейским воображаемым, его архитектурными пластинами. Сочетание визуальных сторон мировосприятия и звучащей речи в каждую эпоху осуществляется особым образом. Например, в эпоху Просвещения визуальное восприятие мира превалирует.

На уровне метаязыка как языка фундаментальных метафор существуют семантические расширения, которые с необходимостью приводят нас к дискурсу трансцендентных инстанций.

1. Апель, К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М., Логос, 2001. 344 с
2. Пирс, Ч. С. Принципы философии: в 2-х т. СПб., Санкт-Петербургское филос. об-во, 2001. Т. 2. 320 с.
3. Heidegger, M. Gesamtausgabe. Band 12. Unterwegs zur sprache. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1985. S.240.
4. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / пер., сост. и вступ. ст. А.В. Михайлова. М., Гнозис, 1993. 464 с.

THE ARCHITECTONICS OF THE ORIGINAL MODALITIES OF CULTURE IN THE LIGHT OF THE THEORY OF SEMIOTIC TRANSFORMATION

© 2017 V.B. Malyshev

Vladislav B. Malyshev, doctor of philosophical sciences, professor of the Chair of Philosophy.

E-mail: vlmaly@yandex.ru

Samara State Technical University. Samara, Russia

The article is devoted to the search of transcendental bases of work methods peculiar to this or that world of culture fixed in language, signs and symbols. The concept of initial culture modalities in the light of the theory of semiotics transformations is founded. These modalities are the limit ontological distinction setting the attitude worldview horizon during this or that era. Karl-Otto Apel's works inspired the statement of the real research main problem and the choice of the subject but his topical are leaves far beyond the perspective presented in them. The question of whether the semiotics as a basis for phenomenology of initial modalities of culture is possible gets special sounding today, highlighting a range of very current problems of philosophy of culture. The purpose of the present research is identification of the transcendental bases of semiotics as methodology of culture initial modalities study.

Key words: transcendentalism, cultural modalities, semiotic a priori, transcendent instances.

1. Apel', K.-O. Transformatsiya filosofii (Transformation of philosophy) / per. s nem. V. Kurennoi, B. Skuratov. M., Logos, 2001. 344 s
2. Pirs, Ch. S. Printsipy filosofii (Principles of philosophy): v 2-kh t. SPb., Sankt-Peterburgskoe filios. Ob-vo, 2001. T. 2. 320 c.
3. Heidegger, M. Gesamtausgabe. Band 12. Unterwegs zur sprache. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1985. S.240.
4. Khaidegger, M. Raboty i razmyshleniya raznykh let (Works and reflections of different years) / per., sost. i vstup. st. A.V. Mikhailova. M., Gnozis, 1993. 464 s.